

Власть
любви

Серия "Волки Малгожаты" - 3

Алина Углицкая

18+

Алина Углицкая

Власть любви

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Углицкая А.

Власть любви / А. Углицкая — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Он — волк-одиночка, альфа несуществующей стаи, истребленной охотниками. И он жаждет мести. Она — дочь охотника. Когда-то, лет двадцать назад, оборотни стали причиной гибели ее матери и сестры. И все эти годы ее отец уничтожает этих существ. Что будет, если эти двое однажды столкнутся и окажется, что они связаны навсегда? И что делать волку, когда он поймет, что его единственная - его злейший враг?"Волки Малгожаты-3". Каждую книгу можно читать отдельно.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

В оформлении обложки использована фотография «Fashion photo of sexy elegant couple in the tender passion» (Автор: AS Inc) с сайта <https://www.shutterstock.com>
Дизайнер Езерская В.

Глава 1

Казалось, эта заснеженная дорога не имеет конца. Как и серый туман, клубившийся вдоль нее. По обе стороны междугородной трассы темной стеной тянулся еловый лес, а сверху нависло тяжелое зимнее небо, готовое вот-вот разродиться густым снегопадом.

Снегопад Лесе был ни к чему, хватало и тумана: «дворники» ее «Ниссана» уже несколько дней не работали. Сегодня она опять забыла заехать на СТО, хотя даже записку себе написала и положила ее в кошелек, где та так и осталась лежать непрочитанной. Слишком много проблем навалилось последнее время: чрезмерно опекающий отец, контролирующий каждый шаг своей дочери, домашние дела, учеба, работа... Леся так уставала за целый день, что к вечеру плохо соображала. Вот и сейчас ее мысли занимало только одно: побыстрее попасть домой.

К тому же сегодня вечером она чувствовала себя особенно паршиво. Голова казалась тяжелой, будто набитая ватой, в горле першило, глаза слезились. Девушка боялась, что подхватила простуду, проводя по шесть часов в день в продуваемом всеми ветрами приюте для бездомных животных. Но болеть сейчас ей было никак нельзя. Приближалась зимняя сессия, и если она ее не сдаст, то вылетит из института.

Отец, конечно же, будет рад. Тут же запретит приближаться к приюту. Он вообще считал, что это блажь, а не работа, учитывая, что Леся тратила свое время на добровольных началах. И никакие доводы, что она набирается опыта, что это очень важно для нее, что это ее призвание – помогать братьям меньшим – до него не доходили.

Нахмурившись, она надавила на газ и глянула на часы. Без четверти семь. Ее потрепанный автомобиль, знававший и лучшие времена, мчал на пределе своих возможностей. Еще полчаса – и она будет дома. Сбросит надоевший полушубок и сапоги, заварит любимый кофе с кардамоном, наберет в ванну горячей воды с клубничной пеной и завалится отдыхать...

Да, последняя идея весьма неплоха.

Девушка усмехнулась собственным мыслям. В зеркале заднего вида отразилось ее лицо: прямые русые волосы, разметавшиеся по плечам, непослушная челка, тонкие брови вразлет и глаза – серо-зеленые, прозрачные, с чуть вытянутыми уголками. Такие же, как у ее матери на той единственной фотографии, что хранится у отца в портмоне.

В свете фар мелькнула огромная четвероногая тень.

Волк? Собака?

Леся не успела сообразить. Животное бросилось ей под колеса, даже не пытаясь избежать столкновения. Вскрикнув, она в панике ударила по тормозам и в тот же миг почувствовала, как законы инерции развернули автомобиль, заставив его на полной скорости обернуться вокруг оси.

«Ниссан» заскользил по заснеженному асфальту, раздался визг тормозов. Выкрутив руль до упора, девушка закричала. Все мысли вылетели из головы, и ужас – отчаянный, леденящий кровь – наполнил сознание.

О, господи, она погибнет! Она сейчас вылетит с дороги в кювет. Перевернется. Врежется в какой-нибудь столб...

Руки в безумном отчаянии продолжали удерживать руль. Но машина уже не слушалась, она жила своей собственной жизнью. Казалось, это конец.

Леся зажмурилась. Лишь бы не видеть, как за окнами вертится придорожный лес, точно безумная карусель.

Ее «Ниссан» пролетел несколько метров, продолжая вращаться, пошел юзом, взрыхляя почву, и замер, впечатавшись задом в бетонный столб электропередачи.

Резкий удар оборвал движение. Девушку вжало в спинку сиденья, толкнуло вперед. Ремень безопасности натянулся, врезаясь в грудь и плечо.

С побелевших губ сорвалось ругательство.

Черт возьми, неужели она жива?

Леся выдохнула, осторожно открывая глаза.

Неужели все обошлось?

Глянула на дрожащие руки, все еще лежавшие на руле. Потом медленно подняла голову и посмотрела на себя в зеркало заднего вида. В лице не было ни кровинки. Губы превратились в две узкие сухие полоски, в глазах застыл панический страх.

Сглотнув, Леся схватилась за горло, машинально потеряла шею. Еще никогда в жизни ей не было настолько страшно, как минутой назад. Сердце в груди продолжало бешено колотиться, дыхание вырывалось толчками, а по вискам стекал липкий пот. Дрожащей рукой она коснулась пылающего лба. То ли от испуга, то ли от выброса адреналина, мысли разбежались в разные стороны, образовав блаженную пустоту, и в этой пустоте тревожным маячком сигналил только один вопрос: что случилось?

Плохо соображая, что делает, Леся выбралась из машины. На ватных ногах обошла автомобиль. Тот практически не пострадал, если не считать помятого зада. Но это было несущественной мелочью по сравнению с тем, что могло бы произойти. Видимо, сегодня сам господь был на ее стороне.

Необычный звук заставил девушку замереть. То ли жалобный вой, то ли скулеж, и он раздавался так близко, что она невольно похолодела.

Леся шагнула вперед, вглядываясь в зимний туман, и тут же остановилась, не веря своим глазам. Буквально в десяти метрах от нее дорога уже тонула в быстро сгущавшихся сумерках, но фары «Ниссана» освещали серую массу, лежавшую на снегу. И эта масса издавала странные звуки.

Волк. Она сбила волка.

Огромного матерого зверя серого цвета.

Таких больших она еще не видала, хотя ее отец уже двадцать лет промышлял в этих лесах охотой на волков и частенько приносил трофеи домой.

Эта мысль ворвалась в пустое сознание, будто порыв холодного ветра.

Откуда он здесь? И что теперь делать с ним?

Набрав в руки горсть снега, Леся дрожащими пальцами обтерла лицо. Нужно было вернуть мысли на место и решать, что делать дальше. Бросить животное на дороге или забрать с собой?

Стоило бы позвонить отцу, посоветоваться...

Волк с тихим воем повернул голову в сторону девушки. Леся остолбенела. Он смотрел на нее. Прямо в глаза. И по его морде ручьем текла кровь.

Но не это заставило девушку осторожно приблизиться и присесть на корточки перед ним. А его глаза. Желто-коричневые, цвета гречишного меда. Он смотрел на нее пристально, не мигая, словно ждал, что она ударит его, но при этом в его взгляде была такая глухая, нечеловеческая тоска, что сердце девушки невольно замерло, пропуская один удар.

Разве так может смотреть дикий зверь? Она могла бы поклясться, что это был осмысленный взгляд.

Взгляд существа, приговоренного к смерти.

Человек – злейший враг всего живого. В особенности – лугару. Егор был в этом уверен. Люди слабые и трусливые существа. Их сила в хитрости и коварстве. Они придумали оружие

массового поражения, войны, пытки, ловушки, диверсии. А все потому, что сами, в одиночку, не способны ни выжить, ни защитить себя.

Егор их презирал. Все человечество в целом и каждую особь в отдельности. Тупиковая ветвь эволюции, не приспособленная к дальнейшему развитию, но при этом считающая себя венцом творения – разве это не смешно? И именно им природа подарила способность к бесконтрольному размножению.

Это было жестоко.

Если бы лугару могли размножаться, как люди, они бы уже давно вышли из тени забвения, в которой вынуждены были существовать тысячи лет. Они бы открыто заявили о себе. Взяли власть в свои руки. Указали человечеству, где его место.

Но это были только мечты.

Огромный волк серебристо-пепельного окраса задрал морду вверх и издал глухой вой, на который никто не откликнулся. Вой перешел в поскуливание и оборвался на самой тоскливой ноте. В ответ откуда-то издали донесся захлебывающийся от ужаса лай собак. Волк немного постоял, прислушиваясь к собачьему лаю, потом презрительно фыркнул и потрусил вдоль дороги, стараясь держаться в тени деревьев.

Сегодня должно все решиться.

Дорога воняла, даже покрытая толстым слоем снега. Егор ощущал смрад асфальта, в который ее закатали люди, и эта вонь раздражала его обоняние. Даже в человеческой ипостаси он не терпел резких запахов, а уж когда был в волчьей шкуре... И как только у людей получается портить все, к чему они прикасаются?

Они размножаются, как саранча, захватывают все новые и новые земли, строят гигантские мегаполисы, вырубают леса, затевают масштабные войны. А лугару в это время пытаются выжить и пополнить свою популяцию, стараясь сохранить в тайне само свое существование. Это несправедливо.

Егор приостановился, внюхиваясь в морозный воздух.

Скоро, уже очень скоро.

По заснеженной дороге медленно клубился туман, неся с собой шум приближающейся машины. Она была еще далеко, за несколько километров. Волк огляделся, выбирая идеальное место для будущего маневра. Он все продумал, осечек быть не должно.

Таких, как он, во всем мире осталось не больше десятка. Их называли Древними – тех, кто был прямым потомком родоначальников первых кланов, наводнивших Европу вместе с римскими легионами. Именно они дали начало всем европейским стаям, от многих из которых теперь остались только воспоминания. Как и от стаи Егора. Почти триста лет он был альфой лугару, осевших в сибирской тайге. А теперь просто волк-одиночка, терзаемый жаждой мести. И он хорошо знал, кому мстить за свое одиночество.

Дом Егора остался в разоренной таежной деревне, почти за четыре тысячи километров отсюда. В глухом медвежьем углу, о котором знали лишь местные жители. Два месяца назад он вынужден был покинуть родные места, и на это была причина.

Много лет его соплеменники старались как можно меньше общаться с людьми, старались держаться подальше от «цивилизации», но однажды пришлось с ней столкнуться. Люди напали жестоко, исподтишка. Стреляли на поражение, не щадя никого. Ни самок, ни щенков. Те, кто принес с собой смерть, называли себя чистильщиками. Говорили, что пришли очистить землю от скверны. От созданий, чье существование противно Церкви и богу.

Лугару оказались не готовы к облаве, потому что никогда не конфликтовали с людьми. Жили обособленно в своем поселении, почти в двухстах километрах от ближайшего человеческого жилья. Тайга их взрастила, тайга давала им пищу и кров. Но она не смогла их спасти.

Они защищались. Но когти и клыки оказались бесполезными против разрывных пуль и гранат, заряженных нитратом серебра. Это вещество, которое лугару между собой называли

адским камнем, оставляло на их шкуре незаживающие черные раны, ожоги, против которых была бессильна хваленая волчья регенерация.

Егор оказался единственным, кто сумел выжить в этом аду. Его трехсотлетняя кровь дала ему еще один шанс, и теперь он готов был пожертвовать жизнью ради возможности увидеть трупы своих врагов.

Когда охотники ушли, оставив после себя только растерзанных волков и багровый от крови снег, он поклялся, что отомстит. Но прошло больше двух месяцев, прежде чем он смог оправиться от ран и выйти на след убийц. Он прошел четыре тысячи километров, чтобы их найти. Он много дней за ними следил. Изучал их привычки, распорядок дня, окружение... Пока не понял, что подобраться к охотникам практически невозможно. Те были слишком хитры, слишком опытны, чтобы их можно было застать врасплох. И за ними стояла некая организация, снабжавшая их оружием и боеприпасами. Да и вступать в схватку один на один никто из них даже не собирался. Оставалось только одно: захватить их обманом по одному. И начать Егор решил с их бригадира. Ударить по самому дороговому, что может быть у него.

Он замер на обочине, следя, чтобы лес укрывал его от случайных глаз. Машина была уже совсем близко. Звук мотора почти оглушал. Оставалась лишь пара мгновений...

Два ослепительно-ярких луча вылетели из-за поворота. Рассекли зимние сумерки, разрывая их пополам. Ударили огромного зверя по глазам.

Жажда крови горячей волной прошла по мощному телу, поднимая шерсть на загривке. Волк застыл, готовясь к прыжку. Готовясь остановить машину любой ценой. Заставить водителя ударить по тормозам, запаниковать, всего на миг потерять управление. Сделать его легкой добычей. Он уже почти чувствовал вкус его крови. Уже представлял, как будет клыками рвать его горло и наслаждаться видом поверженного врага...

Только одна попытка!

Прищурившись, он прыгнул вперед, наперерез мчавшемуся автомобилю. Раздался визг тормозов, и темно-зеленый «Ниссан» налетел на препятствие.

Сила удара отбросила Егора в сторону на несколько метров. Упав, он тут же сгруппировался, возвращая на место выбитые суставы. Хрустнули, срастаясь, сломанные кости, и волк застыл, напряженно следя за автомобилем. Машина после столкновения развернулась на сто восемьдесят градусов и юзом пошла вдоль дороги, взрыхляя укатанный снег. Испуганный женский крик заставил волка насторожиться.

Он не ошибся. Это она. Дочь Степана Ермилова. Его план сработал. Осталось дожидаться, пока девчонка остановит машину. Водит она, судя по всему, довольно неплохо, должна справиться с управлением. А если и нет... Что ж, одним человеком больше, одним меньше – для Егора не было разницы. Хотя, убивать девчонку здесь не было смысла. Он придумает для нее особую роль: если ее отец хочет, чтобы она жила, то пусть в обмен на дочь отдаст свою жизнь.

Егор был согласен на этот обмен.

«Ниссан» пролетел несколько метров и остановился, ткнувшись задом в бетонный столб. Пару минут ничего не происходило. Егор уже собирался подойти посмотреть, в чем там дело, как вдруг распахнулась дверца со стороны водительского сиденья, и из салона вывалилась человеческая фигурка в белом заячьем полушубке.

Порыв ветра взметнул ее волосы, и едва ощутимый аромат коснулся обоняния волка.

Время словно застыло. Замер ветер, перестал падать снег, исчезли звуки и запахи. Окружающий мир превратился в немое кино. И только одинокий женский силуэт, как яркая пульсирующая звезда, выделялся на фоне этой черно-белой картины.

Это была ОНА.

Он узнал ее моментально. Ошибки быть не могло. В таком волки не ошибаются.

Осознание истины накрыло леденящей волной. Пронзило насквозь тысячью ядовитых иголок, заставляя сжаться сердце и разум. Это было сродни тому, что он почувствовал, остав-

пись без стаи. Безысходность. Отчаяние. Обреченность. Сильнейшая боль, от которой мутится рассудок.

Судьба оказалась коварнее, чем он мог представить. Та, которую он только что едва не убил, та, отцу которой поклялся отомстить за гибель стаи, та, что стояла сейчас перед ним на дрожащих ногах – была его парой.

Его единственная – человек. Существо, которое он презирает всем сердцем.

Как теперь с этим жить?

Он силой воли заставил себя остаться на месте, когда она сделала шаг в его сторону. Ветер трепал ее волосы, разносил по округе дурманящий аромат, от которого у волка сбилось дыхание. Егор лихорадочно соображал, не зная, что делать дальше.

Девчонка выглядела напуганной, но целой и невредимой, по крайней мере, на первый взгляд. Он внимательно ее осмотрел, пока она, присев на корточки, разглядывала его. В ее серо-зеленых глазах отразился его силуэт, распластанный на снегу. Вот она подняла руку, зачем-то прикоснулась к губам, словно раздумывая над дальнейшими действиями, а потом потянулась к нему.

Волк застыл. Шерсть на загривке приподнялась, верхняя губа дернулась вверх, открывая клыки. Но он не зарычал. Только прикрыл глаза, добровольно сдаваясь, когда дрожащая женская ручка коснулась его носа.

Глава 2

Огромный зверь дернулся, будто его ударило током. И Леся отпрянула, испуганно глядя на свою руку. Ладонь была выпачкана в крови. Девушка судорожно выдохнула и только теперь поняла, что все это время почти не дышала. Что она вообще себе думала, приближаясь к раненому хищнику? А если б он ее укусил?

Она с сомнением посмотрела на волка. Тот продолжал лежать на снегу, подогнув под себя лапы, и даже не делал попытки наброситься на нее. Теперь она видела, что удар пришелся ему в плечо и в голову – в этих местах шерсть буквально сочилась кровью.

– И что мне делать с тобой? – Леся растерянно огляделась. – Бросить здесь?

Нет, с такими ранами волк не выживет. Хотя, одним волком больше, одним меньше – разве ей не все равно? Почему она вообще тратит свое время на это глупое животное? Он сам бросился ей под колеса!

Леся сделала шаг назад и остановилась. Что-то не давало развернуться и спокойно уйти. Какая-то особая потребность, существования которой она не могла объяснить, удерживала на месте, влекла к этому животному. Может, это была ее совесть или обостренное чувство ответственности, а может то, что обычно называют емким словом «человечность». Но, как бы то ни было, она не могла бросить несчастное животное посреди дороги. Не могла молча сесть в машину и уехать, оставив его умирать.

Леся чувствовала себя виноватой. Чувствовала, что обязана позаботиться об этом животном. Оно нуждается в ней. Это было ясно видно в его глазах.

Может, стоит взять волка с собой?

Она с сомнением глянула на него.

Идиотская мысль...

Чем она сможет ему помочь? Позвонит ветеринару? Но уже восьмой час, кто откликнется на ночь глядя? А до утра этот зверь околеет, если не раньше.

Но и бросить его здесь – тоже не выход. Она не может быть настолько жестокой.

Начался снегопад. Первые хлопья снега, медленно кружа, упали на волосы и воротник девушки. В свете фар падающий снег мерцал, будто чистое серебро. Волк моргнул.

Леся со вздохом оглядела понурую морду, покрытую подсыхающей кровью. Зверь хрипло дышал, его бока чуть подрагивали, дыхание было поверхностным и очень частым. Глаза животного казались потухшими и безжизненными, но между чуть приоткрытыми челюстями предупреждающе белела полоска зубов. Нет, с таким не стоит шутить. Слишком опасно.

– Господи, что я делаю?

Вопрос был риторическим, она и сама это знала. Было бы странно услышать ответ. Но, словно отвечая на ее слова, волк тихо заскулил и дернулся вперед, ткнулся мордой в ее сапог. Девушка остолбенела. Дикая раненый зверь словно просил, чтобы ему помогли.

– Ладно, – коротко выдохнув, Леся решительно откинула назад длинную челку, – придется тебя забрать... Только не вздумай кусаться!

Боже мой, она говорит с диким животным! Нет, однозначно, это последствия пережитого стресса.

Сомневаясь в собственной адекватности, она вернулась к «Ниссану», открыла багажную дверцу и оглянулась. Волк выглядел очень крупным, тяжелым, но вряд ли после встречи с машиной был способен сопротивляться. Разве что для острастки клацнет зубами. Гораздо больше Лесю волновало другое: как заставить его забраться в салон? Может быть, попробовать затолкать? Но это опасно. Если у него сломаны ребра или хребет, это будет для него верная смерть.

Мысленно ругая себя за клинический идиотизм, девушка присвистнула, точно подзывая собаку. Ну а что, вдруг сработает? В конце концов, между волком и собакой не так много разницы...

Зверь даже не шевельнулся. Судя по всему, он потерял сознание. С одной стороны, это оказалось как нельзя кстати: справиться с бесчувственным животным было намного проще. Но с другой: он мог умереть в любую минуту, и тогда все усилия по его спасению окажутся бесполезны.

Леся достала из багажника покрывало, расстелила на снегу, вплотную к животному, и осторожно переместила раненого зверя. Хищник оказался очень тяжелым, килограмм девяносто, не меньше. Она выбилась из сил и вся перепачкалась в его крови, пока втащила волка в салон, поминутно боясь, что он вот-вот очнется и набросится на нее.

Огромный зверь занял все заднее сиденье. Девушка снова засомневалась: разве обычный волк может отъестся до таких размеров, особенно зимой, когда дикие животные вынужденно голодают? Показалось странным и то, что для лесного зверя у него была слишком ухоженная шерсть. Слишком чистая, мягкая. А еще отсутствовал запах.

На последнее Леся обратила внимание только в машине, когда села за руль. Странное животное не двигалось, казалось, волк даже не дышит. Девушка бросила взгляд на него через зеркало заднего вида и осторожно нажала сцепление. Машина мягко покатила вперед.

Теперь можно было выдохнуть с облегчением, что Леся и сделала. Сейчас она доберется до дома, вызовет ветеринара и покончит с этой историей.

Кстати, о ветеринаре...

Девушка взяла ай-фон, лежавший на соседнем сиденье. Надо бы сообщить отцу о странной находке. Он, как-никак, охотник со стажем, обязательно заинтересуется необычным животным.

– Алло, пап? – Отец откликнулся после второго гудка. – Привет. Ты скоро домой?

– Часа через два. Еще есть работа. А что? Соскучилась по старику?

В его голосе мелькнул добродушный смешок, но Леся не обратила на него никакого внимания. Сейчас ее занимало совсем другое.

– Пап, тут такое дело, – она бросила взгляд на безмолвного пассажира, – я волка сбила на трассе.

– Что? – голос в трубке моментально напрягся. – Какого волка? Где?

– Да по дороге домой, в пяти километрах от города. Он такой здоровый...

Она мысленно прикинула его размеры и едва не присвистнула. Да, таких крупных животных видеть ей еще не приходилось. Не волк, а целый теленок.

Шум и скрежет в динамике заставили девушку недовольно поморщиться. Здесь, за городом, связь постоянно «гуляла», то исчезая, то появляясь.

– Алло? Тебя плохо слышно! – прорвался сквозь помехи встревоженный голос.

– Пап, я еще никогда не видела таких огромных волков. Ты меня слышишь? Он так странно пахнет... Не волком... Скорее, снегом талым или чем-то похожим...

– Дочка, надеюсь, ты не выходила из машины? Не приближалась к нему?

– Да он без сознания. Я везу его к нам...

– Леся! – хриплый от беспокойства голос отца оборвал девушку на полуслове. – Сейчас же остановись!..

Дальнейшую речь заглушили помехи.

– Алло, пап? Папа? – в трубке воцарилась мертвая тишина. – Черт!

Леся с недовольством глянула на потухший экран и застонала:

– О, господи, только не это! – она бросила бесполезный гаджет назад на сиденье. – Ну почему он всегда разряжается в самый неподходящий момент!

Между тем, снегопад все усиливался, а сумерки плавно переходили в ночь. Фары «Ниссана» освещали дорогу, тонувшую в темноте, но белые хлопья, падавшие на лобовое стекло, мешали обзору.

Раздраженно закусив губу, девушка прибавила газу. Дом был уже совсем близко, в трех-четырёх километрах отсюда. Если постараться, она сможет добраться до него за несколько минут. А там первым делом помоеет руки, на которых все еще была волчья кровь, поставит телефон на зарядку и наконец-то вызовет ветеринара.

Егор наблюдал за девушкой из-под полуприкрытых век. Девчонка оказалась вполне симпатичная, как для человеческой самки. Небольшого росточка, но с довольно аппетитными формами, которые он сумел разглядеть под распахнутым полушубком. Тонкая талия, высокая грудь, упругая попка, затянутая в узкие темно-синие джинсы...

Он разглядывал эту попку, пока глупая человечка волокла его за собой по снегу к машине. Ее ягодицы двигались вверх и вниз под обтягивающим коттоном, вызывая у мужчины голодные спазмы. Если бы она только знала, о чем он думал в этот момент!

Егор заскрежетал зубами от вскипевшего возмущения, но тут же усилием воли заставил себя замереть.

Черт возьми, неужели он перенес мало испытаний за свои триста лет, раз судьба подкинула ему еще и такое? Эта глупая девчонка подумала, что он ранен? Решила помочь? Что ж, она сама подписала себе приговор. Теперь ее уже ничто не спасет.

Теперь она во власти большого злобного волка!

Он спрятал ухмылку.

Пусть кричит, сколько хочет, когда он предъявит свои права. Потому что у нее никаких прав больше нет. И люди ей не помогут.

Волк еле слышно втянул носом ее аромат. С той минуты, как Егор увидел эту девчонку, вдохнул запах ее волос и услышал ее голос, будущее, каким он его себе представлял, перестало существовать. Что бы ни случилось в дальнейшем, сейчас для него было ясно только одно: эта женщина его навсегда. Его самка, его истинная пара. Его единственная. Он не сможет отпустить ее, даже если захочет. Даже если она будет рвать его на куски.

Все планы мести, которые он так долго лелеял, рухнули за одно мгновение. Инстинкт, древний, как сама Земля, проснулся в нем впервые за триста лет, и сейчас Егор дрожал от возбуждения, будто мальчишка.

Он невольно сглотнул, представляя, как срывает с нее эти джинсы, обнажает упругие ягодицы, заставляет девчонку упасть попкой кверху... Такой аппетитной розовой попкой... Она будет великолепно смотреться сзади, когда он заставит ее встать на колени. А потом он распластает ее на этом долбаном покрывале, в которое она замотала его, и войдет в нее одним мощным ударом. Он заставит ее кричать и извиваться под ним. Заставит почувствовать все, что чувствует он.

То, прежнее будущее, о котором он думал еще вчера, было будущим одиночки, теперь же в нем появилась она – та, которую он уже отчаялся встретить.

Он не спускал с нее глаз, лежа на заднем сиденье автомобиля. Изучал ее жесты, мимику, прислушивался к интонациям в голосе. Девчонка ехала домой, и это было как нельзя кстати. Егор представил, как будет медленно обнажать ее тело, смакуя каждый сантиметр этой кремовой кожи. О да, он сделает это сразу же, как только она впустит его в свой дом. В свой огромный особняк, обнесенный трехметровым каменным забором и сигнализацией. Ее отец постарался на славу, стараясь оградить свой дом от вторжения. Но он не учел одного: где есть вход для двоих, там сможет проникнуть и третий.

Девушка потянулась к мобильному телефону, и Егор с трудом заставил себя лежать неподвижно. В его голове пронеслась целая стая взбудораженных мыслей: кому она звонит, зачем? Он застыл, напряженно вслушиваясь в разговор.

Ермилов. Волк узнал этот голос – голос убийцы. С трудом сдержал угрожающее рычание, которое так и рвалось наружу из горла. Черт возьми! Он заперт в машине один на один с дочерью своего смертельного врага, но вместо того, чтобы напасть на нее, вырвать ей горло, он думает только о том, как ее отыметь!

Связь оборвалась. Егор выдохнул с облегчением: если бы не это, ему пришлось бы вмешаться, отвлечь девчонку, любым способом прервать ее разговор с отцом. Но она, похоже, так и не поняла, что влипла по самые уши.

Девчонка процедила сквозь зубы ругательство и кинула трубку. Егор мысленно сделал себе пометку: первым делом он научит ее правильно изъясняться. Пусть он остался без стаи, но он все еще альфа, а значит, его пара должна быть примером для других самок и молодняка. И она должна быть идеальной.

Девушка подняла голову, бросая на него обеспокоенный взгляд через зеркало заднего вида.

– Потерпи, – он скорее угадал, чем услышал ее слова, – скоро приедем. Дома я тебе помогу.

Глупая. Даже не представляет, что теперь помощь нужна ей самой.

«Ниссан» мчал вдоль дороги, неуклонно сокращая расстояние. Егор отбросил в сторону лишние мысли. Времени оставалось катастрофически мало, скоро они доберутся до дома, и тогда может случиться всякое. Он не сомневался: Ермилов уже догадался, кого встретила его дочь и, возможно, уже спешит ей на встречу с подмогой. Один лугару – даже трехсотлетний, даже в боевой ипостаси – бессилен против толпы озверевших людей, вооруженных до зубов адским камнем. Чистильщики не будут тратить время на разговоры, они просто убьют волка. А потом выпотрошат его труп и сделают из него чучело. Или коврик в гостиную. И нежные женские ножки будут его топтать...

Такая перспектива не радовала. Нужно было срочно что-то решать.

Еще час назад Егор планировал обманом проникнуть в дом Ермиловых, убить девчонку и дождаться ее отца. Еще час назад думал, что почувствовав на клыках их кровь, он сможет унять пламя. Пламя ненависти и мести, вот уже два месяца испепеляющее его изнутри. Но теперь, когда оказалось, что дочь чистильщика – его истинная пара, все изменилось. Он не сможет разорвать старого охотника у нее на глазах. На глазах той, которую должен теперь хранить и оберегать ценой собственной жизни.

Егор в смятении прокручивал в голове разные варианты дальнейших событий. Но при любом раскладе получалось только одно: ему нельзя встречаться с ее отцом. Не так, не на глазах у девчонки.

Машина свернула с основной дороги на узкую частную полосу с односторонним движением. Сквозь залепленное снегом лобовое стекло показались ворота, вделанные в забор из белого кирпича. Внушительный такой забор, метра три в высоту, не меньше. Девчонка притормозила, подъезжая к нему. Пискнула сигнализация, и ворота автоматически поднялись, пропуская хозяйку.

Едва «Ниссан» въехал во двор, как ворота тут же вернулись на место, отрезая частную территорию от внешнего мира. Егор прищурился, разглядывая особняк, возвышавшийся перед ним двухэтажным каменным монстром. Это была настоящая крепость, призванная оградить своих хозяев от любого вторжения.

Но на этот раз она не спасет.

Девушка заглушила мотор и обернулась. Несколько секунд беспокойно покусывала губу, изучая неподвижно лежавшего зверя. Егор не шевелился, даже дыхание задержал, лишь бы она не испугалась и не передумала.

У него в голове понемногу вырисовывался новый план.

Глава 3

Затащить волка в дом оказалось задачей не из легких. Но Леся не привыкла отступать. Тем более, бросать дело на полдороге. Ухватившись за края покрывала, она стащила на снег тяжеленное тело. Сдула непослушную прядь, упавшую на глаза. Оглянулась на дом. Расстояние до крыльца было метров пять, не больше, если поднапрячься – уже через пару минут она втащит это животное в дом.

Егор чуть не крикнул, когда нежные женские ручки отнюдь нелюбезно скинули его на землю. И это забота о раненом животном? Его, трехсотлетнего альфу, бросают на землю, как последнюю шавку. Только толстый слой снега спас его бока от встречи с бетонными плитами, которыми был выложен двор. Захотелось вскочить и напомнить девчонке, что она тащит не мешок с костями... Но он благоразумно сдержал этот порыв.

Ничего, он потерпит. Сейчас у него другие заботы. Нужно проникнуть в дом не напугав девчонку. А потом у него будет много времени, чтобы научить ее уважению и покорности, как подобает примерной волчице.

Между тем девушка, отдуваясь и проклиная собственную доброту, подтащила волка ко входу в дом, сунула ключ в замочную скважину и толкнула тяжелую дверь. Та приветливо распахнулась. Леся готова была ликовать: она справилась, она дома!

Последнее усилие – и покрывало с неподвижным животным преодолело порог.

Захлопнув дверь, Леся оставила волка посреди прихожей и, не разуваясь, бросилась на кухню. Нужно было переодеться и поставить телефон на зарядку, но это потом. Пока что ей безумно хотелось отмыть руки от этой сухой шелушащейся корки неприятного бурого цвета, которая стянула ее ладони.

Девушка подбежала к раковине, включила холодную воду и начала сосредоточенно смывать с рук кровь животного. Потом набрала воду в ладони и плеснула на лицо. Сердце колотилось, как сумасшедшее. Появилось странное ощущение приближающейся опасности. Как будто кто-то чужой стоял за плечом и дышал, и от этого дыхания зашевелились волосы на затылке.

Нет, это все выдумки подсознания. Никого в доме нет. Она здесь одна.

Почти одна. В прихожей все еще лежит этот несчастный волк. Надо бы пойти проверить, вдруг он уже околел?

Тихий хруст заставил ее подпрыгнуть и обернуться.

Леся на мгновение остолбенела. Потом завизжала, хватая стоявшую возле раковины тяжелую табуретку. Прямо на нее надвигался огромный незнакомый мужчина.

Нет. Не так.

На нее надвигался огромный голый мужик, заросший щетиной по самые уши! Он шел прямо на нее, раскинув перевитые мышцами руки, будто медведь. Каждое его движение, каждый жест были наполнены дикой мощью, а в колючих глазах пылала самая настоящая ярость.

– Стой, где стоишь! – голос Леси сорвался на визг.

Как? Откуда он взялся здесь? Как сумел проникнуть в охраняемый дом? Почему не сработала сигнализация?

И, о боже, почему же он голый?!

Маньяк!

Замахнувшись, она вжалась спиной в бортик раковины. Но дубовая табуретка в ее руках казалась ненадежной защитой против почти двухметрового незнакомца.

Тот прищурился. Тяжелый взгляд заставил девушку задрожать. Узкие губы мужчины скривились, их уголки дернулись вниз, словно в усмешке.

Взгляд девушки скользнул по его лицу, метнулся вниз, застыл чуть ниже пупка, уткнувшись в густую поросль, ведущую вниз.

– Ты... положи... – голос незнакомца был хриплым, каким-то полузадушенным. Он словно через силу выталкивал из себя каждый звук. Но тон был угрожающим.

Леся затравлено огляделась по сторонам.

Черт возьми, он зажал ее в самом углу. И, что теперь? Изнасилует?

Глянуть на его орган она не могла. Не могла себя пересилить. Не каждый же день ее зажимают на кухне огромные бородатые мужики!

– Леся!

Голос отца, наполненный отчаянием и страхом, разорвал напряженную тишину. Незнакомец втянул в себя воздух, хищно раздувая крылья носа.

– Папа!

Она швырнула табуретку, метя в голову нападавшему. Тот небрежно отмахнулся, будто от комара, и одним незаметным движением оказался вплотную к ней.

Чужие руки, твердые, будто выкованные из железа, подхватили ее. Сухая ладонь запечатала рот, обрывая зародившийся крик. Еще мгновение – и в глазах потемнело.

Последнее, что запомнила Леся – это глаза. Светло-карие, почти желтые глаза незнакомца, окаймленные пепельными ресницами. В них светилось странное предвкушение.

Егор перебросил бесчувственную девушку через плечо и вскочил на подоконник. С этой стороны земля шла под уклон, и окно кухни находилось в полутора метрах от нее. А еще внизу весьма кстати стоял грузовик. Егор быстро просчитал варианты. Если он прыгнет на крышу кабины, а потом на фургон, то сможет, оттолкнувшись от него, запрыгнуть и на забор. А уж там – дело техники. Уходить от погони и путать следы он умел, как никто другой. Да и снегопад был ему только на руку. Природа сама скроет следы.

Тишину дома разорвали крики охотника. Тот бежал по коридору и отчаянно звал свою дочь. А еще Егор учуял запах оружия – запах вороненой стали и ружейной смазки, ударивший в нос. Захотелось немедленно покинуть это место. Сморщившись, Егор потряс головой и покрепче прижал к себе девушку, готовясь к прыжку. Древнейший инстинкт продолжения рода взял верх над рассудком, и сопротивляться зову природы было бессмысленно. Так уж устроены лугару: встречая истинную пару, они забывают обо всем, и неистовое желание соединиться с ней, пометить ее, наполнить своим семенем берет верх над человеческим разумом.

Теперь, когда девчонка была в его руках, он ощущал тепло ее кожи, вдыхал ее запах и хотел насладиться вкусом ее кожи. Теперь все его помыслы были только о ее теле. И теперь его ничто не могло удержать.

«Моя! Только моя!» – отбивал пульс в его голове.

– Стой!!!

За спиной прогремел выстрел, и плечо обожгла адская боль. Раздался звон разбитого стекла. Пуля прошла на вылет, прямо в окно, и стекло, лопнув, осыпалось вниз. Вслед за осколками на подоконник упало несколько капель крови.

Егор оглянулся. Хищная гримаса исказила его лицо.

Ермилов!

Он стоял на пороге кухни, направив на него ствол карабина. Лицо охотника, выдубленное солнцем и ветром, было перекошено яростью. В глазах застыло немое предупреждение.

– Оставь мою дочь, ублюдок! – слова ударили наотмашь, вырывая из груди лугару угрожающее рычание.

Степан целился в ногу. Стиснув зубы до скрежета и пытаясь унять мелкую дрожь в руках. Надеялся, что глаза ему врут. Но внутренний голос шептал: нет, это не сон, не разыгравшееся воображение. То, чего он боялся больше всего, случилось. «Они» настигли его. Настигли его семью. Как и тогда, двадцать лет назад.

Его дочь безвольным кулем свисала с плеча монстра.

Да, именно монстра. Потому что на подоконнике, чуть согнув ноги, стоял не человек. Чудовище, поросшее грязной клочковатой шерстью. Оно обхватило девушку за спину, прижимая ее к себе когтистыми пальцами, и его деформированная вытянутая морда ухмылялась, демонстрируя хищный оскал.

Прогремел второй выстрел.

Егор прыгнул вниз.

Раздался удар о металл, вой сирены.

Охотник бросился к окну, но не успел. Зверь исчез, унося с собой самое дорогое, что было у Степана Ермилова.

– Леся!

Он выдохнул имя дочери, падая грудью на подоконник. Машинально перебрал через плечо уже бесполезный карабин. Лихорадочно обшарил взглядом пустой, запорошенный снегом двор.

Под окном заливалась сиреной «ГАЗель» с вмятиной на крыше кабины. Какая-то тень мелькнула на секунду, привлекая внимание – и пропала.

Забор! Этот ублюдок перепрыгнул через забор!

Степан перемахнул через подоконник, повторяя путь, пройденный монстром. Ударился о крышу автомобиля, скатился вниз. Бросился к тому месту, где мелькнула двуногая тень. И остановился. Трехметровый забор был непреодолимой преградой для человека.

Он побежал вдоль забора к калитке, отодвинул тяжелый засов, вылетел на дорогу. Но вокруг уже не было ни души. Только безмолвный лес, темной стеной стоявший по обе стороны от шоссе, да круглая луна, то и дело выглядывавшая из-за туч. Ни один звук не нарушал ночной тишины.

Слишком много времени он потерял, гоняясь за тенью.

Страх, подспудный, возвращенный ночными кошмарами, исподволь, незаметно начал овладевать его разумом. Медленно пополз вдоль позвоночника ледящей волной. Сжал горло, перекрывая дыхание. Заставил сердце остановиться, пропуская один удар.

Ноги, внезапно ставшие чужими, непослушными, подкосились, и мужчина упал в снег на колени. Из горла вырвался нечеловеческий крик, полный боли.

– Леся!!! Доченька...

Степан ударил кулаком по снегу, потом схватился за голову и завыл, словно раненый зверь. Перед глазами стояла картина, которую он столько лет пытался забыть: лесная поляна, разорванная палатка, разбросанные угли, еще дымящиеся в свете встающего солнца, перевернутый котелок. И тела. Искалеченные, разорванные когтями чудовищ. Тела его старшей дочери и жены. Они лежали на траве, побуревшей от крови, и земля под ними превратилась в жидкую грязь. Две изломанные, измочаленные куклы с переломанными костями.

Они всего лишь решили устроить поход в лес с ночевкой. Решили провести выходные на лоне природы. Только младшую дочь, которой на тот момент было шесть месяцев, оставили дома с бабушкой. Это ее и спасло.

Благие намерения обернулись кошмаром, который преследовал его двадцать лет.

Двадцать лет он пытался забыть, выслеживая и уничтожая монстров, убивших его семью. Двадцать лет он маниакально оберегал свою единственную дочь, боясь, что однажды эти выродки доберутся и до нее.

И вот этот день настал. А он оказался к нему не готов. Он держал эту тварь на мушке – и промазал. Премазал, когда чудовище стояло на расстоянии вытянутой руки!

Невыносимое отчаяние заставило его закричать, посылая в небо проклятья.

Где он, тот бог, когда он так нужен? Куда смотрит? Или он слеп и не видит, что происходит? Как допустил существование этих чудовищ? Или он наслаждается, наблюдая чужие страдания?

Степан утратил веру еще тогда, когда стоял на коленях у растерзанных трупов своих любимых. Когда в немом безумии пытался их оживить, закрывая ладонями разорванные артерии, из которых хлестала кровь. Когда в одиночку шел по следам, оставленным чудовищами. Когда встретил других людей, называвших себя охотниками на оборотней.

Они объяснили ему: это не сон, не порождение чьего-то воображения. Оборотни существуют. Монстроподобные лохматые твари, принимающие облик волка и человека. Они живут стаями, стараются не выделяться в толпе, успешно скрываются среди людей. Идя по улице, никогда не знаешь, кто шагает навстречу – то ли монстр в облике человека, что ли действительно человек. Они повсеместно: сосед за стеной, коллега, начальник, курьер, кондуктор в автобусе – кто угодно из них может оказаться чудовищем, которое только и ждет, чтобы вцепиться тебе в горло. И бороться с ними нужно, пока они не напали. Уничтожить – вот единственный выход.

Тогда Степан не колебался. Он почувствовал в этом свое призвание. Его жизнь обрела утраченный смысл. Преследовать, выслеживать и убивать – мстить этим вырождакам за отнятые жизни. На Земле, где царствует человек, не место подобным тварям – он твердил это, как мантру, собираясь на очередное задание.

А сегодня он промазал. Единственный раз с тех пор, как начал охоту на оборотней. Рука дрогнула, когда он увидел дочь, безвольно свисавшую с плеча монстра. Сердце сжал такой ужас, что разум отступил, выпуская на свободу кошмары прошлого. И это было ошибкой.

Набрав в руки рыхлого снега, Степан вытер лицо. Одинокая слеза, случайно сорвавшаяся с ресниц, была тут же размазана. Потом он рванул воротник джемпера, обтер шею и нервно дергающийся кадык. Холод понемногу возвращал мысли на место. Нужно было брать себя в руки. Нужно было спасти свою дочь.

Он поднялся на ноги и достал из внутреннего кармана мобильный телефон. Набрал номер, шедший вторым, после дочери, в списке контактов.

– Алло, Макс? Поднимай парней. У нас дело.

– Понял, – голос на том конце связи звучал лаконично и по-деловому сухо. – Встречаемся, где обычно?

– Нет. Сбор через полчаса у меня дома. Берите с собой все, что есть.

Хлопья снега, кружась, падали на его обнаженную голову и медленно таяли, стекая с коротких волос на лицо. По лбу и вискам бежали тонкие ручейки. Отключив связь, Степан положил телефон назад во внутренний карман распахнутой дубленки. Взял в руки карабин и проверил магазин. Внутри оставалось всего два патрона.

Два патрона, начиненных нитратом серебра – бесцветными ромбическими кристаллами. Но под домом, в подвале, переоборудованном в арсенал, находилось еще много оружия: охотничьи нарезные ружья, винтовки с оптическими прицелами, карабины, переделанные из автоматов Калашникова, ящики с гранатами и патронами, заполненные единственным веществом, способным оставить на оборотне тяжелые раны.

Нужно было вернуться в дом и проверить кровь, оставшуюся на подоконнике.

Степан быстрым шагом направился к входной двери. Она так и осталась стоять открытой, когда он, ворвавшись в дом, распахнул ее настежь. Зимний ветер уже нанес снег на порог. Мужчина дулом карабина приподнял окровавленное покрывало.

Как умно. Оборотень притворился раненым волком. Этакой безобидной собачкой, чья несчастная мордочка вызывает умиление у старушек и глупых детей. И теперь эта тварь думает, что уйдет от возмездия?

Ненависть заставила мужчину заскрежетать зубами. На его щеках, испещренных морщинами, заходили суровые желваки, глаза сузились, потемнели под нависшими бровями, а от плотно сомкнутых губ вниз пролегла глубокая складка.

Этот выродок еще не знает, с кем связался. Очень скоро жизнь заставит его пожалеть о том, что случилось.

Глава 4

Ноги оборотня вязли в рыхлом снегу. Тело девушки, переброшенное через плечо, ограничивало движения и вынуждало соблюдать осторожность. Нестись по лесу с той скоростью, к которой привык, он не мог. Опасался навредить той, что была теперь для него дороже жизни.

Егор отфыркивался, втягивая ноздрями морозный воздух. Настороженно вслушивался в тишину, стараясь уловить враждебные звуки: лай собак, скрежет ружейных затворов, человеческие голоса. Он тщательно путал следы, радуясь, что снегопад усилился, а тучи закрыли луну. Собак он не боялся, с ними он легко справится, да и сами они не посмеют напасть на него, даже если будут превосходить количеством. А вот люди, да еще вооруженные до зубов и уверенные в своей безнаказанности... Люди были страшным противником, но и на них можно было найти управу.

Где-то в семи километрах от дома Ермиловых стояла заброшенная сторожка. Егор обнаружил ее две недели назад, когда искал место для ночлега. Два месяца он провел в образе волка, преодолел путь в четыре тысячи километров, выследил убийц, уничтоживших его стаю, но почти утратил человеческий облик. Грязный, небритый, не имеющий ни денег, ни куска ткани, чтобы прикрыть нагое тело, он не мог заявиться в город и найти там жилье. Сторожка подвернулась как нельзя кстати. И даже то, что ее давно никто не посещал, оказалось на руку одичавшему лугару.

И вот сейчас он рассчитывал перекантоваться там до утра.

Местность вокруг сторожки была укрыта нетоптанным снегом. Егор предусмотрительно старался не оставлять следов, когда навевался сюда. Сейчас же надеялся на помощь снегопада.

Чтобы открыть тяжелую дубовую дверь, пришлось поднапрячься. Замка, как водится, не было, его заменял заржавевший железный засов. Но за два дня, что Егор отсутствовал, ветер намел снег к дверям и засыпал крыльцо.

Девушка на плече завозилась, приходя в себя. Застонала. Егор моментально напрягся, прислушиваясь к ее голосу. Сейчас она очнется, откроет глаза и увидит его – в боевой ипостаси, похожим на чудовище из дешевого фильма ужасов.

Нет, он рассчитывал на совершенно другую встречу.

Когтистая лапа ласково погладила девушку по затылку. Оборотень не сдержался и еле слышно рыкнул от удовольствия, когда его пальцы погрузились в густой шелк ее русых волос. А потом он нащупал нужную точку на ее шее и легонько нажал.

С тихим выдохом девушка отключилась.

Справившись с засовом, Егор дернул дверь на себя. Та нехотя приоткрылась, скрепя заржавевшими петлями, и в нос лугару ударил запах заброшенного жилья. Очень приятный запах на данный момент. Люди здесь если и были, то еще осенью, до того, как наступила зима.

Он внес девушку в домик, состоявший из одной комнаты, и бережно опустил ее на топчан. Замер, согнувшись над ней и судорожно втягивая ее запах. Ее аромат – чуть сладковатый, с фруктовой кислинкой, будто аромат спелой лесной ягоды – наполнил его легкие, вошел в кровь и заструился по венам, по всему телу разнося огонь возбуждения.

Стоять рядом с ней, видеть ее, обонять, иметь возможность потрогать... И при этом сдерживать свое звериное «Я», не давая ему поднять голову.

Зарывав, он отпрянул от девушки.

Она даже не шевельнулась. В полумраке, разгоняемом тусклым светом, лившимся из окна, ее лицо казалось необыкновенно бледным. Круглые щечки, мягкий маленький подбородок, чуть вздернутый нос... Темные полукружья теней, упавших от длинных ресниц.

Егор не мог назвать ее красавицей. На ум приходило другое слово – нежное, мягкое, теплое. Милая.

Да, именно милой и беззащитной она казалась в этот момент, когда лежала перед ним на старом топчане с растрепавшимися волосами, в распахнувшейся полушубке и задранным свитере, из-под которого виднелась узкая полоска оголенного живота.

Эта невинная бледная полоска заставила зверя заскулить, заскрести лапами, в отчаянной попытке уткнуться носом, вдохнуть запах кожи, лизнуть ее...

Егор усилием воли задушил это желание.

Не сейчас. Еще будет время.

Он заставил себя отвернуться. Заставил себя вспомнить о делах насущных и осмотреть сторожку. Единственная комната, совмещавшая в себе и спальню, и кухню, была оборудована каменным очагом, отдельно запиравшейся кладовкой и простой деревянной мебелью. Вполне достаточно для двух-трех человек, застигнутых ненастьем в лесу.

Обычно охотники и лесники, пользовавшиеся сторожками, всегда оставляли в них запас необходимых вещей. Очень скоро Егор нашел спички, дрова, сложенные в очаге, крупы, чай, кое-какую кухонную утварь, а так же одеяла и теплую одежду, которые были сейчас очень кстати. Разводить огонь он не решился. Дым, поднявшись над лесом, укажет охотниками его берлогу быстрее всякого маяка. Но сторожка давно вымерзла: в углах кое-где серебрился иней, единственное окно затянуло морозным узором. Сам лугару холода не ощущал, но вот с девушкой было сложнее. Легкое облачко морозного пара поднималось над ее ртом в такт дыханию.

Поколебавшись, Егор укрыл ее несколькими одеялами, потом взял с полки жестяную кружку, вышел на крыльцо и набрал в нее снега. Вернувшись в домик, поджег керогаз, стоявший на широком столе из нестроганных досок, и поставил кружку на огонь. Рядом положил пачку с чаем. Бросил на девушку хмурый взгляд.

А вдруг она не пьет черный чай? Вдруг, любит зеленый? Или кофе...

Внутренний волк опять заскулил. Теперь его переполняло отчаянное желание угодить своей паре. Понравиться ей. Все его мысли сейчас занимало только одно: не охотники, идущие по следу, не то, каким образом он уйдет от погони, не сложности, которые могут возникнуть в дальнейшем. Он думал лишь о том, что его пара скоро очнется. Он хотел, чтобы она его приняла, чтобы она впустила его в себя добровольно.

Он жаждал увидеть страсть в ее глазах.

Когда она будет лежать под ним и желать, чтобы он взял ее.

Егор стиснул зубы, возвращая себе хладнокровие. Последнее время он дал своему зверю слишком много воли, и тот все чаще стал брать верх над рассудком. Особенно теперь, когда голова кружилась от запаха истинной пары. Когда кровь горячей лавой неслась по венам, заставляя все тело дрожать от возбуждения.

И это возбуждение невозможно было унять.

Взрыкнув, лугару выскочил на крыльцо, в сердцах хлопнул дверями. Упал плашмя в рыхлый снег. Тело было настолько горячим, что снег тут же начал таять, несмотря на мороз. Особенно горячей была та часть тела, что отвечала за производство потомства.

Горячей и твердой, как камень.

Набрав горсть снега, Егор приложил его к паху. Выругался сквозь зубы. Подобного с ним еще не случалось. Обычно он прекрасно контролировал и внутреннего волка, и инстинкты, и даже свои желания. За триста лет у него было много женщин, но все они были волчицами. В отличие от более лояльных собратьев, Егор, проживший почти полжизни в суровой сибирской тайге, видел в людях только врагов. И секс с человеческими женщинами был для него сродни извращению. Как для человека секс с обезьяной.

И вот теперь он попал в ловушку собственных принципов и убеждений. Говорят же, не зарекайся...

Столько лет он старался держаться подальше от людей и всего, что с ними связано, а теперь оказалось, что единственная женщина, способная принести ему потомство – человек. И, похоже, внутренний зверь не испытывал на этот счет никаких предубеждений. В отличие от самого Егора.

Где-то вдалеке, вспорхнув, застрекотала сорока.

Лугару тут же вскочил, отбрасывая ненужные терзания. Втянул носом колючий январский воздух.

Люди.

Еще далеко, за пять-шесть километров. Судя по всему, прочесывают лес. И с ними собаки. Не какие-то шавки, вроде овчарок. Нет, этими люди травили друг друга, Егор еще помнил те времена. А вот для охоты на крупную дичь – очень крупную дичь, такую, как лугару – они вывели особую породу – блаухандов. Эти твари умудрялись учуять запах следов, оставленный несколько дней назад, и ни вода, ни табак, ни любые другие ухищрения не могли их обмануть. Но с ними он легко справится. Древняя кровь, струящаяся в его венах, давала ему особую власть.

Егор мельком взглянул на темное окно домика и опустил на четвереньки. Холодный снег тут же подтаял от жара, который источала кожа лугару. Легкий туман, искрящийся серебром, окутал мужское тело, помогая ему принять свой истинный облик. Облик зверя, томившегося внутри.

Через минуту возле заброшенной сторожки уже стоял огромный матерый хищник, способный в одиночку завалить буйвола. Поджарое, перевитое жилами тело, стальные мышцы, мощные смертоносные челюсти и пронзительный взгляд. Короткая колючая шерсть в свете луны казалась пепельно-серой, и только вокруг шеи она была светлее и немного длиннее. На загривке она топорщилась дыбом и мягким воротником спускалась к груди.

Луна, появившаяся из-за туч, осветила зверя, готового перегрызть горло любому. За его спиной, под ненадежными бревенчатыми стенами, спала его пара. И сейчас, в эту минуту, он готов был на любое безумство, лишь бы ее не нашли.

Здрав морду вверх, волк издал долгий, пронзительный вой, нарушивший покой спящего леса. Голос альфы разнесся на несколько километров, заставив испуганно задрожать мелких зверей, прятавшихся по норам. Где-то на окраине замерли люди, тревожно вслушиваясь в этот вой. Каждого из них охватил неосознанный страх и тревога, заставив покрепче сжать руками оружие. Очень скоро хваленые карабины превратятся в бесполезные палки. Очень скоро они окажутся беззащитны перед лицом смертоносного и безжалостного врага. Но сейчас они были уверены в том, что все делают правильно. Они же всегда так делали – и всегда побеждали. Только не в этот раз: слишком умным, слишком опасным был тот, на кого они рискнули охотиться.

Лугару застыл, слушая, как в морозном воздухе затихает лесное эхо. Но не успел растаять последний звук, как его подхватил приветственный волчий вой, донесшийся откуда-то изда-лека. К нему присоединился второй, потом третий, потом еще несколько голосов – и вскоре уже целая стая волков отвечала на брошенный клич.

Лесные волки ответили. Егор снисходительно усмехнулся. Он даже не сомневался в том, что они ему подчинятся. Теперь он мог спокойно вернуться в дом, а охотники пусть и дальше бродят по лесу, гоняясь за призраком.

Отряхнув упавший на холку снег, огромный волк вскочил на крыльцо, приоткрыл лапой дверь и проскользнул в образовавшуюся щель. Сторожка уже пропахла ароматом девушки, и лугару невольно задрожал, вдохнув его. На столе кипела вода, оставленная на керогазе. Через минуту обнаженный мускулистый мужчина привычным жестом заварил чай, а еще минуту спустя большой серый волк запрыгнул на топчан и вытянулся во весь рост. Он прижался к вожде-

ленному женскому телу так, что между ними не осталось ни миллиметра свободного пространства. Где-то в горле зародилось глухое рычание, наполненное желанием и тоской.

Не сейчас. Еще рано. Сейчас нужно просто ее согреть...

Леся приходила в себя очень медленно. И так же медленно рассеивался туман, в котором она плыла все это время. Что-то странное просматривалось сквозь него. Что-то смутно знакомое, но в то же время чужое.

Моргнув, девушка уставилась в низкий потолок, обшитый некрашеной дранкой. Нахмурилась, пытаясь сообразить, что она видит. Но мысли продолжали блуждать в полусонной рассеянности, вялые и ленивые, будто мухи ранней весной.

Она потянулась, с удивлением понимая, что лежит не в своей постели. Но, несмотря на это, было очень тепло и даже уютно. Странное дело... У кого это она могла заночевать?

Тихий шорох привлек ее внимание. Леся еще не проснулась окончательно, и потому без всякой тревоги скользнула взглядом по бревенчатой стене в сторону источника шума.

И замерла, испуганно распахнув глаза.

Перед ней, держа в вытянутой руке жестяную кружку, от которой поднимался парок, стоял тот самый мужик, который залез к ней в дом. Его тяжелый пронзительный взгляд сверлил ее из-под густых бровей, на щеках, заросших щетиной, ходили желваки, а нахмуренный лоб испещрили недовольные морщины.

Но сейчас, в отличие от прошлой встречи, он был одет. В потертые синие джинсы, подвернутые внизу, и неопределенного цвета футболку с рукавом три четверти. Футболка так обтянула его могучие плечи, что казалось, вот-вот треснет по швам. Да и джинсы выглядели как-то странно.

Немного присмотревшись, Леся с удивлением поняла: одежда была ему очень мала.

А еще под футболкой на правом плече засохло пятно, подозрительно напоминавшее кровь.

– Я сделал чай, – он даже не скрывал недовольства в голосе. Видимо, ему не понравилось, что она так пялилась на него. – Пей.

Леся поспешно отвела взгляд. Кружка замерла у нее перед носом. Медленно опустив ресницы, девушка уставилась на янтарно-коричневую жидкость, от которой шел насыщенный запах черного чая. Сглотнула.

– Я... Ты меня похитил? – задала она резонный вопрос, надеясь, что голос не дрогнул.

Мужчина нахмурился еще больше. Его брови сошлись на переносице.

– Пей!

Кажется, этот тип начал терять терпение...

Леся поспешно села на своем ложе. Не стоит раздражать незнакомца, кто знает, что у него на уме. Девушка оперлась спиной на стену, попутно с облегчением отметив, что никто с нее даже полушубок не снял, и потянулась руками к кружке.

– Осторожно, горячее.

Слова повисли в воздухе. Словно он хотел сказать что-то еще, но в последний момент передумал.

Руки Леси начали мелко дрожать, сердце заколотилось быстрее, но она, глубоко вдохнув, приказала себе успокоиться. Нельзя показывать страх – это было первое правило, которое ее заставил усвоить отец. Хищник всегда нападает на тех, кто слабее, кто боится и кто сомневается. Сомнения – это верная смерть.

Она искоса глянула на мужчину.

Молодой. Однозначно молодой, лет тридцать, может быть тридцать пять. Но что-то с ним явно не то...

– Хорошо, – произнесла девушка успокаивающим тоном, каким обычно разговаривала с бездомными животными, – я буду осторожна.

Правда, она не добавила, что имела в виду его, а не чай.

Глава 5

Кружка с чаем перекечевала из рук в руки. Пальцы девушки на секунду соприкоснулись с мужскими – жесткими и горячими – но незнакомец тут же отпрянул, будто это прикосновение было ему неприятно. Он шумно вдохнул, и его губы сжались в узкую сухую полоску.

Какой странный тип...

Леся огляделась, надеясь найти хоть что-то, что сможет ее защитить, или поможет сбежать. Но надежда быстро растаяла. Небольшая комнатка, площадью примерно в десять квадратных метров, с добротными стенами, сложенными из толстых бревен, была вся, как на ладони. Напротив топчана светилось маленькое окно, заплывшее льдом, рядом с окном – стол и буфет, три колоды, поставленные стоймя и призванные заменять табуреты. На столе стояла нехитрая утварь, выключенный керогаз и керосиновая лампа, горевшая сейчас тусклым огнем. Слева от буфета чернела чугунная дверца дровяной плиты. Рядом с ней приткнулся казанок, наполненный высушенной корой, и эмалированное ведро. Справа виднелась входная дверь, сбита из потемневших от времени досок. Она была заперта на тяжелый засов.

Лесная сторожка.

Кажется, Леся ее уже видела.

Девушка напрягла память. Очень знакомая обстановка. Видимо, она сюда уже забредала...

В голове мелькнула саркастичная мысль: считать это тюрьмой или нет? И когда ее будут насиловать? Наверное, после чая?

У порога стояли Лесины белые угги под стать полушубку, с пышными меховыми помпонами, пришитыми с внешних сторон.

Увидев их, она озадаченно заморгала.

Мужчина, что-то бормоча себе под нос, подал ей какую-то тряпку. Вздрогнув, Леся бросила на него настороженный взгляд.

– Заверни, – он сунул тряпку ей в руки, – а то обожжёшься.

Какой заботливый похититель!

Леся не смогла сдержать язвительной гримасы, стоило мужчине отвернуться. Не отрывая взгляда от его широкой, немного сутулой спины, девушка осторожно пригубила горячий напиток.

– А сахар здесь есть?

Ой, ду-у-ура!

Он же ее похитил! Проник к ней в дом, разгуливал там голышом, напал на нее, выкрал! А она интересуется, есть ли у него сахар.

Но слова вырвались сами собой, по привычке. Быстрее, чем Леся сообразила, где она и с кем говорит.

Мужчина замер. Леся увидела, как напряглись его плечи, как крупные пальцы стиснулись в кулаки. Ей показалось, будто она даже услышала, как он скрипнул зубами.

Пару секунд он просто стоял, шумно дыша. Казалось, от него буквально фонит глухой яростью. Озадаченная, испуганная девушка похолодела, ожидая чего угодно. Вот, сейчас он развернется и бросится на нее... И чем она сможет себя защитить? Разве что плеснет ему в лицо этим чаем?

Леся покрепче сжала кружку в руках. Судорожно вдохнула, чувствуя, как на висках и лбу выступает испарина.

– Сейчас принесу, – незнакомец наконец-то соизволил ответить.

Его голос звучал глухо и недовольно, но плечи расслабились. Не оборачиваясь, мужчина прошел к буфету, стоявшему у противоположной стены. Девушка продолжала за ним наблюдать, не спеша выпускать из рук единственное средство защиты. Даже если чай и остынет, пока он там ковыряется, всегда можно заехать в глаз самой кружкой.

В памяти всплыл эпизод из давно просмотренного фильма, где лихой герой одним ударом ладони всаживал подобную посудину в грудь врага. Эх, жаль, что она не Вин Дизель и жаль, что это не кино.

Широкая спина незнакомца не давала разглядеть, что он там делает. Леся прислушалась. Вот скрипнула дверца буфета, вот забренчали пустые жестяные банки, зашелестел целлофановый пакет...

Раздалось тихое ругательство, процеженное сквозь зубы.

Похоже, ее похититель нервничал. Да и вообще, если судить по его нелюдимому виду, он был совершенно не рад встрече с ней.

Тогда, почему...

Или, точнее, зачем?

– Твою мать! – зарывав, мужчина с силой ударил кулаком по столу. Жалобно звякнула, подпрыгнув, посуда.

Девушка сжалась.

Тяжело дыша, будто от быстрого бега, он развернулся. Его угрюмый взгляд уперся в нее, будто дуло автомата. Расширенные зрачки, в которых отражался свет единственной керосинки, горели темным огнем. И этот огонь заставил ее задрожать.

– Ты... – он выдохнул, будто через силу выталкивая из себя слова. – Не смотри на меня!

– Х-хорошо...

Леся моментально уткнулась взглядом в кружку, которую все еще держала в руках.

Какой нервный тип...

Несколько минут в домике висела удушающая тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием да шелестом полиэтилена.

Наконец, раздалось быстро приближающиеся мужские шаги.

– Этого хватит? – прозвучал неприязненный голос.

Леся вскинула голову. Незнакомец стоял в двух шагах от нее, протягивая алюминиевую миску, до краев наполненную пожелтевшими кусочками рафинада.

Он издевается?

Кажется, этот сахар хранился здесь лет пять, не меньше.

Взгляд девушки с опаской скользнул по мужской руке – крепкой, напряженной, с выступившими венами и легкой порослью светлых волос. Потом перешел на грудь, вздымавшуюся под плотно натянутой тканью. В вырезе футболки у незнакомца золотился такой же пушок, как и на руках. На жилистой шее нервно ходил кадык, подбородок и щеки покрывала густая щетина светло-русого цвета. Плотные сжатые губы чуть дрогнули, когда она посмотрела на них. Поднять взгляд выше Леся уже не осмелилась. Что-то ей совсем не хотелось встречаться с этим мужчиной глазами.

Но одно стало ясно: не издевается. Говорит на полном серьезе, словно никогда до этого не сталкивался с такой вещью, как сахар, и не знает, какое количество обычно кладут в чай.

– Хватит, – выдавила она из себя.

Голос прозвучал, как чужой – низко и хрипло.

Девушка сглотнула вязкий комок.

Похититель поставил миску рядом с ней на топчан.

– Ложи себе, сколько хочешь.

Надо же. Какой щедрый.

Леся поджала губы. Взяла два кусочка, бросила в чай. Хотела попросить ложку, чтобы их размешать, но вовремя осеклась. Ничего, обойдется.

Пока сахар медленно растворялся, она сидела, согнувшись над кружкой, чувствуя каждой клеточкой кожи присутствие незнакомца. Он стоял совсем рядом. Настолько близко, что ей казалось, будто она ощущает жар, исходящий от его тела. И то напряжение, которым был пропитан каждый его жест, каждое слово.

Его дыхание нервировало ее. Словно он дышал ей в затылок. А еще он, не отрываясь, смотрел на нее, и от этого взгляда у нее внутри все сжималось от страха и ожидания.

Когда Леся прикоснулась губами к краю кружки и сделала первый глоток, мужчина шумно выдохнул и отступил.

– Пойду, прогуляюсь, – услышала она его голос.

На этот раз в тоне мужчины не было неприязни, скорее – сдержанное волнение.

Зачем он озвучивает свои действия? Ждет ее разрешения?

Девушка молча кивнула, не поднимая на него взгляд. Через мгновение раздался скрип несмазанных петель и стук захлопнувшейся двери. И тут же нервное ожидание, все это время державшее ее в напряжении, отступило.

Несколько секунд Леся сидела, прислушиваясь к звукам, доносившимся с улицы, но так и не услышала скрежет засова или замка. Значит, похититель не стал отходить далеко. Но даже его минутное отсутствие может быть ей на руку. Добежать до стола, найти нож и спрятать его в рукаве – дело пары секунд.

Выдохнув, она расслабила плечи и отставила надоевшую кружку. Вскочила с импровизированной кровати. Подбежала к столу. На серой столешнице стояло несколько алюминиевых мисок, разорванный пакет с остатками рафинада и упаковка чая из серебристой фольги. Ни ножа, ни вилки, на крайний случай, там не было.

Разочарованно выругавшись, Леся ударила рукой по столу – и тут же взвыла от боли в ладошке. Безымянный палец неприятно кольнуло.

Вот дерьмо! Кажется, она загнала занозу. Но вытаскивать ее сейчас некогда, придется терпеть.

Сунув больной палец в рот, второй рукой она начала лихорадочно выдвигать ящики буфета.

Где-то здесь должен быть нож. Хотя бы один! Он обязан здесь быть! Не может же она быть настолько невезучей!

Но мебель была старой, самодельной, и ящики поддавались с трудом. Да и их содержимое оставляло желать лучшего: каждый ящик оказался завален каким-то мусором, в котором было просто нереально найти нужную вещь.

Бормоча ругательства, она уже двумя руками схватилась за верхний ящик, вытащила его и вывалила на пол его содержимое. Пожелтевшие обрывки газет, какие-то железки, связки ключей, жестяные банки из-под патронов, тряпки, пропахшие ружейным маслом...

За первым ящиком пошел второй, потом третий. Присев на корточки, она начала перебирать вещи, сваленные в кучу. Каждый раз, когда с улицы доносился какой-нибудь звук, Леся покрывалась испариной, думая, что это возвращается ее похититель. Она даже представить себе боялась, что он сделает с ней, увидев, чем она занимается. Но сильнее страха было желание себя защитить. Желание иметь в руках хоть что-то, что придаст уверенности в себе. И когда ее взгляд наткнулся на блеск металла, сердце сжималось в надежде, что это нож. Но вслед за этим губ срывалось разочарованное проклятье.

Кажется, здесь ничего нет...

Зарывав, она в гневе разметала всю кучу хлама.

И осеклась.

Взгляд прикипел к небольшому предмету.

Серебристый металл, инкрустированный вставкой, похожей на малахит. На одном конце – маленькое кольцо и цепочка.

Швейцарский нож!

Неужели ей повезло?

Откинув растрепавшиеся волосы, Леся потянулась к нему руками. Схватила, сжала в потной от волнения ладошке, чувствуя, как бешено бьется сердце где-то под горлом. Схватила воздух пересохшим ртом. Бросила нервный взгляд на дверь и окно. Прислушалась.

Нет, кажется, тихо...

Тихонько выдохнув, девушка раскрыла ладошку. Нож оказался совсем маленьким, почти игрушечным. Сувенирный брелок для ключей – вряд ли таким можно защитить себя от здорового мужика.

Но главное было не в этом.

Она его вспомнила.

И вспомнила этот домик.

Никакая это не сторожка, так, заброшенная лесная избушка, в которой одно время собирались местные охотники-любители, чтобы выпить и похвастаться добычей. Осенью здесь частенько бывали компании местных ребят, вышедших за ягодами или грибами, да и она сама не раз захаживала, пока не повзрослела и не утратила интерес к детским компаниям. Тут у них был свой «штаб», в котором они варили полевою кашу, пекли картошку и играли в казаки-разбойники или прятки.

И ножик, который она нашла, когда-то принадлежал ей. Его подарил отец, когда она училась в седьмом классе. И она сама его сюда принесла.

Но самое главное, она теперь знала, где находится, и знала, куда идти. Всего семь километров отделяло ее от шоссе, ведущего к дому. Каких-то семь километров по дремучему еловому лесу, заваленному нехоженым снегом, в мороз, среди ночи...

Но разве такие мелочи важны, если речь идет о ее жизни?

С улицы не доносилось ни звука, в заледенелое окно светила луна, а слабый огонек в керосиновой лампе грозился вот-вот погаснуть. Остаться здесь наедине с маньяком, да еще в темноте Леся никак не планировала. Нужно было что-то решать.

Она поднялась и на цыпочках, стараясь не скрипеть половицами, прокралась к окну. Подышала на стекло, что бы растопить лед, мешавший обзору. Прижалась одним глазом к освобожденному месту, выглянула наружу.

Ее встретила зимняя ночь, упавшая на лес глухой пеленой. Ни звука, ни шороха, ни единого движения. Даже ветер не тревожил ветви деревьев, покрытые снегом. Серое небо висело так низко, что задевало верхушки елей, темной громадой застывших на его фоне. И луна – круглая, серебристо-белая, покрытая темными пятнами впадин – освещала ночное безмолвие. Как на детских рисунках.

Незнакомца нигде не было видно.

Сердце девушки екнуло: неужели ушел?

Да нет, это было бы слишком хорошо. Зачем ему врываться к ней в дом, похищать, приносить сюда, чтобы потом бросить ее здесь и уйти?

Этот тип выглядел очень странно и подозрительно. Но его поведение казалось вполне осмысленным. Он не был безумцем.

Но даже если он сейчас стоит под дверью и слушает, что здесь происходит, она не будет ждать, пока он войдет!

Закусив губу, Леся раскрыла нож. Он поддался с трудом, видимо механизм заржавел от долгого неиспользования. Серебряное лезвие тускло блеснуло, отбивая свет, падавший из окна.

Надо же, сохранился совсем неплохо, хотя и валялся здесь несколько лет. Удивительно, что его никто не присвоил. Хотя, зачем кому-то такая девчоночья игрушка? Парни предпочи-

тали ножи посolidнее: делали сами, подражая взрослым, или тайком от родителей покупали складные. Такими ножами можно было и грибы срезать, и картошки начистить, и лучин на растопку нащипать. А Лесиным ножичком только в зубах ковыряться.

Нахмурившись, девушка взвесила нож на руке.

Если придется, она и в зубах им поковыряется.

Только вот не в своих.

Все так же на цыпочках она прокралась к двери, влезла ногами в свои угги и снова прислушалась.

Нет, тишина.

Наверное, сейчас стоило бы помолиться.

Но Леся в бога не верила.

Вдохнув и зажмурившись от отчаяния, она легонько толкнула дверь.

Та не поддавалась.

Девушка усилила нажим.

Нет реакции.

Разозлившись на свою слабость, она со всей силы ударила по ней ногой.

И тут же словно кто-то снаружи дернул дверь, распахивая ее настежь.

Сжав в руке игрушечный нож, Леся рванула вперед.

И остолбенела, не успев выскочить за порог.

Прямо перед ней, на крыльце, только немного ниже, стоял огромный пепельно-серый волк. И шерсть на его загривке торчала дыбом.

Желтые, словно светящиеся изнутри глаза зверя замерли, поймав ее взгляд. Он словно ждал ее здесь. Знал, что она выйдет.

Он ее сторожил?

Нет, такого не может быть... Это просто приبلудный зверь... Подозрительно похожий на того, которого она сбила.

Только в отличие от сбитого, этот был почти в полном порядке, если не считать пулевого ранения на правом плече, из которого тоненьким ручейком текла кровь.

Волк нагнул голову и издал глухое рычание.

Леся вздрогнула, беспомощно хватаясь за дверь. Потянула. Но та оказалась слишком тяжелой, да еще увязла в снегу, покрывавшем крыльцо.

Девушка лихорадочно осмотрела видимое пространство.

Где он, этот маньяк, когда он так нужен? Неужели бросил ее в этом лесу на съедение волку?!

Хищник медленно подался вперед. И так же медленно Леся отступила назад.

Шаг.

Второй.

Третий.

Пока не уперлась попой в топчан. Ноги вдруг подкосились, и она со всего размаха села на пятую точку.

Волк шагнул через порог вслед за девушкой и замер, не сводя с нее глаз.

Леся сжалась, не зная, что делать. Ее руки дрожали. Нож, зажатый в ладонке, казался маленькой зубочисткой по сравнению с клыками матерого зверя.

За спиной волка противно скрипнула дверь. Порыв ветра толкнул ее, возвращая на место, и она с глухим стуком захлопнулась.

Под стеклом керосинки последний раз вспыхнул огонь – и погас.

Избушка погрузилась во тьму...

Глава 6

Он смотрел на нее. Испуганную, дрожащую, нервно сжимающую игрушечный нож. Когда лампа потухла, и домик окутала темнота, девушка вскрикнула. Этот крик резанул его по сердцу острым клинком.

Его пара напугана! Он должен ее защитить.

Но это именно он ее напугал.

Егор замер, не желая пугать ее еще больше. Подождал, пока глаза девушки привыкнут к полумраку. Было не так уж темно: полная луна давала достаточно света, чтобы человек смог разглядеть обстановку своим несовершенным зрением. Лугару отлично видели даже в крошечной тьме.

Несколько секунд Леся просто сидела, застыв каменным изваянием, и напряженно следила за волком. В его плече зияло сквозное пулевое ранение, причем совсем свежее. Кровь бежала тоненькой струйкой вниз по лапе, пачкая шерсть, и собиралась на полу в темную лужицу. Раненый зверь опаснее вдвойне – она это знала от отца и сейчас ждала, что он вот-вот набросится на нее.

Но вместо этого огромный зверюга демонстративно зевнул и улегся на пол, всем своим видом показывая полное безразличие.

Девушка осталась сидеть, открыв рот. К страху примешалось недоумение.

Может, она все не так поняла, и это не волк, а большая собака? Некоторые дворняги иногда поражают размерами и окрасом, уж кому как не Лесе об этом знать. За два года работы в приюте для бездомных животных ей приходилось видеть и не такое.

Егор вытянулся вдоль порога и положил голову на передние лапы. Даже глаза закрыл. Только уши остались стоять торчком, чтобы не пропустить ни единого звука. Недавнее купание в снегу его слегка остудило, но не решило главной проблемы: что делать дальше? Она его пара – это было истиной, которую невозможно отвергнуть. И его к ней тянуло. Вся его звериная сущность требовала единения с ней, и сопротивляться зову природы становилось все сложнее с каждой минутой, проведенной возле нее.

Оказалось, что находиться рядом с девушкой – это невыносимая мука для его мужской выдержки. Егор даже не подозревал, что его воля, в силе которой он никогда не сомневался, будет подвергнута таким испытаниям. Девчонка околдовала его. Все его мысли, все чувства, все эмоции оказались прочно завязаны на ней. От ее запаха, голоса, самой мысли о ней кружилась голова и горячими волнами накатывало возбуждение.

Он хотел ее. Хотел до безумия. Прямо сейчас. Внутренний волк рвался наружу, отвергая все доводы разума, и все, чего он хотел – это уткнуться ей носом в то местечко, при мысли о котором лугару терял контроль над собой.

Уткнуться носом в развилку между ее стройных ножек, которые она так плотно сжимала сейчас, сидя на топчане. А потом вернуть себе человеческий облик и заставить ее раздвинуть эти ножки.

Для него.

Заглянуть ей в глаза. Увидеть в них такую же животную похоть, что снедает его. Увидеть, как страсть затмевает ее сознание, как желания тела отвергают доводы разума. Почувствовать, как ее тело будет плавиться под ним, принимать его, как ее глаза подернет пелена возбуждения, от которого помутнеет рассудок...

Но сейчас он чувствовал только напряжение и страх, исходящие от нее. Она боялась. Боялась его. Но так же он видел, что она изо всех сил старается скрыть от него этот страх.

Такая отважная.

Он поймал себя на том, что любит ее. Но тут же одернул себя: она враг! Она человек! И если по какой-то нелепой ошибке природы она оказалась его истинной парой, это еще не значит, что он должен принять ее.

Но и отказаться не сможет.

Это сильнее его. Сильнее его человеческой половины. И это противоречие, эта борьба между разумом и инстинктом разрывала его на части и заставляла терять контроль.

Наконец, девушка шевельнулась и тихонько выдохнула. Воздух толчками выходил из ее груди, словно она боялась дышать в полную силу. Егор слышал, как колотится ее сердце, а потому не сделал ни единого движения, чтобы не пугать ее еще больше. Просто лежал и слушал. Осторожно приоткрыл один глаз.

Леся все так же сидела на топчане, не сводя с него глаз. Напряженная, готовая сорваться с места в любую минуту, бежать – вот только куда? Выход из домика был только один, и его сторожил лесной хищник. В растерянности она закусил губу.

Егор закрыл глаза и шумно втянул в себя воздух.

Черт возьми! Сколько еще он так выдержит?

Пять минут назад он выскочил из сторожки именно потому, что больше не мог оставаться с ней в одном помещении. Казалось, его член вот-вот прорвет узкие джинсы, которые были так малы, что трещали по швам, и вырвется на свободу. Возбуждение было настолько сильным, что перекрывало даже боль от ранения.

А вот об этом как раз не стоило забывать.

Ему повезло, что руки Ермилова дрогнули в последний момент, и пуля прошла на вылет. Охотник целился в голову. Если бы не страх попасть в дочь – он бы не промазал. И повезло, что пуля не была разрывной, иначе Егору пришлось попрощаться с рукой. Но хорошего тоже оказалось мало. Пуля, покрытая нитратом серебра, проделала сквозную дыру в его плече, чудом не задев кость, и эта дыра не желала заживать. Время от времени рана покрывалась тоненькой пленочкой, но та рвалась при малейшем движении. И снова кровь текла вниз ручьем.

Егор знал: накладывать повязку бесполезно. Она просто разорвется при обороте вместе с одеждой. Но сейчас, когда все его звериное тело дрожало от возбуждения, а шерсть стояла дыбом от желания прикоснуться к своей паре, он почти не чувствовал боли.

– Х-хороший песик... – это были первые слова, раздавшиеся с тех пор, как погасла лампа. И, судя по тону, девушка сама понимала, что говорит полный абсурд. Но молчать уже не могла – неизвестность ее угнетала. – Ты же меня... не съешь?

Да уж как сказать!

Егор мысленно хмыкнул. Последние несколько часов он думает только о том, какая она на вкус.

– Ты чей-то? Ты заблудился?

Голос Леси приобрел ласковые, протяжные нотки. Сама не заметив как, она перешла на тот тон, которым обычно разговаривала с больными животными. Осталось только почесать бедного песика за ушком.

И «песик», словно почувствовав что-то, тихонько заскулил, а потом на брюхе пополз вперед, прямо к ней.

Первый порыв – заорать и забиться в угол с ногами – Леся с трудом удержала. Нельзя пугать животное криком! Особенно хищника. Нельзя показывать ему страх.

Заставив себя остаться на месте, она только нервно сдвинула ноги и сжала в руке сувенирный ножик. Тот был таким маленьким, что полностью скрылся в ее ладони.

Волк подполз совсем близко. Приподнял голову и заглянул ей в глаза, словно хотел там что-то найти. Он не рычал, не скалился, в его действиях не было ничего угрожающего.

Леся оторопела: что вытворяет это животное? Такое поведение не свойственно дикому волку. Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы это понять.

– Что ты делаешь? – она заставила себя улыбнуться. – Ты же хороший мальчик? Хороший? Ты меня не обидишь?

Странный волк положил голову на бок и свесил на сторону язык, всем своим видом показывая, что он просто безобидный щенок. Такой игривый, добродушный комок шерсти. Он словно говорил: посмотри на меня, я совсем безопасный, я не причиню тебе зла.

Леся медленно, стараясь его не нервировать, отклонилась назад. Слишком уж близко оказались его мощные челюсти.

Может быть, он привык к людям? Может, кто-то из местных взял его еще щенком и воспитал, как собаку, а потом отпустил в лес? Конечно, такое маловероятно, но девушка знала подобные случаи.

Волк несколько секунд смотрел на нее, а потом вдруг вильнул хвостом.

Как собака!

Леся оторопела.

Волки не виляют хвостом!

Волки не смотрят человеку в глаза!

И волки не бывают таких размеров!

Что же это за зверь?

Между тем хищник ткнулся широким лбом ей в колени. Потерся, словно напрашиваясь на ласку, потом опять посмотрел на нее.

Леся не знала, как реагировать. Погладить его? А вдруг он укусит?

Она искоса глянула на его мощные челюсти. Такими можно перегрызть хребет взрослого человека, будто соломинку. Нет, этот зверь слишком опасен, чтобы ему доверять. И пусть он всем своим видом выражает сейчас дружелюбие – не стоит этому верить. Волк – это волк, даже если он ведет себя, как собака.

Егор втянул в себя запах девушки. Ее тело было так близко и так недоступно. Вся эта одежда раздражала его, казалась лишней. Она была не более чем препятствием на пути к вожделенному телу. Волк потерся лбом о ее колени, сдерживая мучительный вой. Сейчас он вернет себе человеческий облик – и будь что будет. Он больше не может ждать! Он хочет опрокинуть ее навзничь и зубами разорвать эти чертовые джинсы, в которые она себя спрятала. Он разведет в стороны ее крепко сжатые ножки и прильнет языком к источнику этого одуряющего аромата, от которого его звериная половина сходит с ума...

Волк задрожал, когда ее ладонь осторожно легла на его голову. Женские пальцы, чуть подрагивая, с опаской скользнули по его уху. Он с трудом заставил себя остаться на месте.

Она его гладила! Ее руки касались его. Его шкуры. Он чувствовал это прикосновение, и там, где она дотрагивалась, от его кожи по всем нервным окончаниям растекалось тягучее вожделение.

Еще секунда – и плотина прорвется. Он примет человеческий облик.

И он не сможет сдержать себя.

Он возьмет ее прямо здесь. Свою пару. Свою самку. Свою женщину...

Он успел заметить, как взметнулась ее рука. Не та, которая поглаживала его по голове – другая. Успел заметить, как блеснул серебристый предмет, зажатый в ее ладони. И резкая боль опалила раненое плечо.

Взвыв от боли, волк взвился на задние лапы.

Чертова человечка! Всадила свой игрушечный нож прямо в рану! А он тоже хорош – совсем обезумел от похоти. Даже не обратил внимания, что эта безделушка серебряная!

Страх за собственную жизнь придал Лесе новые силы. Оставив нож в ране, она рванула к выходу, молясь о том, чтобы дверь распахнулась с первого раза. И ей повезло. Вылетев на крыльцо, она захлопнула дверь и, стиснув зубы от напряжения, повернула тяжелый засов. Из

домика раздались звуки ударов и глухой, протяжный вой. Это волк катался по полу, стараясь избавиться от ножа.

Не дожидаясь, что будет дальше, Леся спрыгнула со ступенек. Ноги тут же увязли в снегу по колено. Сориентировавшись в пространстве, она бросилась в лес, стараясь бежать как можно быстрее. Снег тут же набился в угги. Он падал с деревьев на голову и за воротник. Колючие ветки хлестали в лицо, грозя выбить глаза, но волчий вой, летевший в спину, оказался отличным стимулом в этом забеге.

Леся бежала минут пять – не больше. На большее ее не хватило. Выдохшись, она уперлась лбом в какое-то дерево. Обхватила его руками, чувствуя, как сердце буквально выпрыгивает из груди. Слегка отдышавшись, подняла голову и огляделась.

Местность была незнакома. Вокруг валялись искореженные деревья, переломанные зимними бурями. Их еще не успел укрыть снег, и голые стволы чернели на фоне сугробов.

Леся прислушалась. Если она не ошиблась, то должна была бежать в сторону своего дома. Значит, по идее, должна услышать шум машин или гул электрической подстанции, расположенной у дороги.

Но вместо этого до нее донеслись странные звуки.

Странные и пугающие.

Словно кто-то большой и тяжелый пробирался сейчас сквозь поваленные деревья, черневшие в лунном свете. И когда раздался низкий рокочущий рев, Леся невольно похолодела.

Застыв, она вжалась спиной в сосну, которую только что обнимала. По ее спине пополз холодок, наполняя сознание животным ужасом. Все тело покрылось холодным потом, желудок болезненно сжался, дыхание перехватило, и только сердце продолжало лихорадочно биться где-то под горлом.

Из-за деревьев вышел бурый медведь. Он выглядел отощавшим, озлобленным. Все его собраты мирно спали в берлогах, а этот проснулся, терзаемый голодом. Свалявшаяся шерсть на нем торчала клочками, шкура висела складками и казалась в два раза больше, а из разинутой пасти падали вниз тяжелые капли тягучей слюны.

Увидев девушку, он остановился. Принюхался. Его маленькие глазки вспыхнули алчным огнем. И Леся в отчаянии пожалела, что сбежала из домика.

Уж лучше маньяк и его странный волк, чем это чудовище!

Обезумев от запаха жертвы, шатун бросился на нее.

Молча.

Неистово и стремительно.

Как черная смерть.

Леся заорала во всю мощь своих легких. Отскочила, собираясь бежать, но нога зацепилась за ветку, торчавшую из сугроба. Не удержавшись, она упала навзничь, и острая боль пронзила ее затылок. Перед глазами все потемнело. Словно в тумане она увидела, как темный силуэт несется к ней со скоростью паровоза, и бессильно раскинула руки.

Это конец.

Ужас лишил ее воли.

Сковал все тело, свел каждую мышцу.

Лучше самой подставить горло под медвежьи челюсти, чтобы смерть была мгновенной и безболезненной...

И в этот момент откуда-то сбоку вылетела размытая тень. Раздалось яростное рычание, и волк – огромный пепельно-серый зверюга со вздыбленной шерстью – набросился на медведя. Прыгнул, целясь ему прямо в горло. Но тот увернулся и, взревев, пошел на врага.

Это был как раз тот момент, когда можно терять сознание.

Тихонько вздохнув, Леся закрыла глаза.

Глава 7

Егор даже не сразу сообразил, что произошло. Боль была настолько острой, что раненая лапа повисла плетью, а перед глазами замелькали черные точки. И сам факт того, что удар нанесла его истинная, привел лугару в сильнейшее замешательство.

Это было неслыханно!

Его, трехсотлетнего альфу, посмела ударить самка! Его самка! Это было чудовищным нарушением всех табу. Это переворачивало с ног на голову все устои, все правила, к которым он привык, с которыми сросся за триста лет своей жизни.

Чертюва человечка! Любую другую на ее месте он бы разорвал без сомнений. Но эта...

Ее он не мог тронуть и пальцем. Хотя сейчас ему бы этого очень хотелось!

Ну, ничего. Он найдет другой способ ее наказать. И будет наказывать столько, сколько потребуется, чтобы научить ее уважать его статус!

Клацая зубами, огромный волк вывернулся и ухватил зубами за рукоятку брелока. Но та была слишком маленькой, и зубы соскользнули. Мысленно выругавшись, он повторил попытку. Пока эта безделушка в его теле – ему не удастся вернуть себе человеческий облик. Серебро, из которого был сделан нож, не позволяло совершить оборот.

Но больше собственного здоровья и возможности вернуть человеческую ипостась, Егора волновала девчонка.

Вот куда она побежала? Одна! Через лес, полный опасностей! А если она заблудится? А если замерзнет?

Воображение тут же нарисовало крошечную женскую фигурку, скорчившуюся в сугробе между деревьев. От нее исходило такое отчаяние, такая тоска, что волк взвыл и, наконец, умудрившись вывернуться всем телом, вырвал из плеча злосчастный нож.

Отбросив его прочь, огромный зверюга оттолкнулся задними лапами от пола и всем весом впечатался в двери, вынося их одним ударом. Тяжелая дверь, жалобно скрипнув, распахнулась во всю ширь и осталась висеть, перекошенная, на одной петле. Вторая оказалась вырвана с корнем. Но Егор этого уже не увидел. Он мчался по лесу, ведомый ароматом своей самки. Ароматом, в котором смешались ужас и паника.

А еще резкий мускусный запах опасного зверя.

Учув прищельца, волк зарычал, и шерсть на его затылке угрожающе поднялась. Девушка не успела убежать далеко, глубокий снег стал для нее препятствием. Следы, оставшиеся на нем, указывали ее путь в серой мгле ночного леса.

Не такого уже и ночного. Судя по цвету неба, приближался рассвет.

Нужно было спешить.

Истошный женский визг заставил волка на секунду окаменеть. Его пара в опасности! Он бросился вперед, на крик. Но женский голос перекрыл рев медведя.

Выскочив на свободное пространство, волк оскалился. Его опасения сбылись: прямо перед ним, шагах в двадцати, не больше, через лесную опушку, будто таран, неся бурый медведь. И добычей, которую он избрал, была маленькая человеческая фигурка, скорчившаяся на снегу.

Не думая, действуя на одних рефлексах, Егор бросился наперерез. Медведь увернулся, он не раз на своем веку рвал волков и собак. Из мощной глотки вырвался хриплый рев. Кто посмел оспорить его добычу? Обезумев от голода, шатун пошел на врага. Это стало его ошибкой.

Ведомый древним инстинктом, требующим от него защищать свою пару, своих щенков ценой собственной жизни, волк прыгнул, нанося смертельный удар. Клыки вонзились в тол-

стю медвежью шкуру. Щелкнули, смыкаясь, челюсти, и пасть заполнил солоноватый привкус крови.

Медведь взревел от боли и ярости. Встал на дыбы. Замахал передними лапами, в тщетной попытке сбросить врага. Но тот вцепился бульдожьей хваткой. И собственным весом повалил шатуна на спину.

Через минуту все было кончено. Медвежья туша осталась лежать на снегу темной кучей. Из горла, разорванного волчьими клыками, бил фонтан крови, и эта кровь красной лужей растекалась по снегу вокруг головы. Маленькие медвежьи глазки потухли, язык вывалился из разинутой пасти.

Тяжело дыша, Егор отошел. Эта схватка далась ему очень не просто. Раненая лапа почти онемела, хотя нож он достал. Видимо, даже альфе, в котором течет древняя кровь, иногда нужна помощь.

Помощь братьев.

Но об этом потом. Сейчас – девушка.

Леся по-прежнему лежала там, где упала. Она так и не пришла в себя с того момента, как ударила головой о случайно подвернувшуюся корягу. И даже боль, пульсирующая в голове, не могла привести ее в чувство.

Егор замер над ней. Что-то было не так. Ее запах. Он изменился! И яркий румянец, покрывший щеки, выглядел нездоровым.

Обнюхав лицо девушки, волк заворчал от нахлынувшей тревоги. Ее кожа казалась липкой, будто покрытой потом, и от нее шел неприятный кисловатый запах болезни. Он тронул носом ее щеку.

Горячая!

Лицо девушки буквально полыхало жаром.

Заскулив, волк уткнулся ей в шею, туда, где сейчас лихорадочно билась тонкая вена. Учащенный в два раза, пульс девушки грохотал, и этот звук, точно тревожный набат, ударил по сознанию лугару.

Его пара больна!

Как же так? Еще десять минут назад она была совершенно здорова. Или он что-то упустил?

Она выглядела такой маленькой, такой хрупкой, лежа в белой шубке на белом снегу. Ее волосы растрепались, лицо горело лихорадочным румянцем. Из полуоткрытых губ вырывалось частое, чуть слышное дыхание.

Сердце лугару медленно сжалось, будто стиснутое чьей-то рукой. И чувство – новое, незнакомое, полное непонятной тоски – стало комком в его горле.

Егор мысленно сжал кулаки. Выругался сквозь зубы. Сомнений больше не оставалось: его пара больна. И это он довел ее до такого состояния. Это его вина.

И чем он может помочь?

Ответ пришел моментально: ничем. У него нет ни дома, ни денег, ни – даже! – штанов. Ему самому нужна помощь. И понимание тяжелым гнетом упало на плечи, заставив волка издать тихий вой. Как он, трехсотлетний альфа, носитель древней крови, потомок капитолийских волков, дошел до такого? Где он ошибся? Когда утратил контроль?

Времени на самобичевание не оставалось. Это он успеет потом, когда его пара окажется в безопасности и в надежных руках. Она человек, а значит, только люди знают, чем ей помочь.

Вернув себе человекообразную форму, Егор подхватил девушку на руки и зашагал в сторону дороги. Скоро рассвет, уже должны ездить машины. А он постарается, чтобы кто-то из проезжающих увидел тело, лежащее на обочине, и подобрал. Других вариантов не было.

Хотя, был еще один: провести инициацию. Это ускорит регенерацию, повысит иммунитет и, как следствие, избавит его пару от всех болезней. Но Егор представлял себе инициацию немного иначе.

Когда двое, предназначенные друг другу самой судьбой, впервые соединяются, то они помечают партнера, показывая, что сделали окончательный выбор. И он всегда воображал, как сделает это в своем доме, на своей постели, в объятиях любимой, которая отдастся ему добровольно. И в момент, когда она достигнет наивысшего наслаждения. Вот тогда он вонзит зубы чуть выше ее ключицы, упиваясь сладкой, податливой плотью, и ее крик, исторгнутый в момент оргазма, будет звучать в его ушах самой прекрасной песнью.

Именно эту картину он представлял себе много лет, пока не утратил надежду.

И вот теперь, когда его единственная в его руках, и все, чего он желает, это взять ее и пометить, судьба подбрасывает новое испытание. И он должен его пройти.

Возвращаться в человеческую ипостась Егор не стал, не настолько еще одичал, чтобы бегать по лесу без штанов. А вот в облике оборотня ему сейчас было очень комфортно. Да и густая шерсть, покрывавшая его кожу, оказалась как нельзя кстати. По крайней мере, он не чувствовал себя голым.

Выбравшись из леса, Егор присел на корточки у обочины, следя за тем, чтобы его тень не падала на дорогу. Здоровой рукой он удерживал тело девушки, положив ее так, что голова покоилась на его коленях. Второй рукой осторожно отвел мокрые и спутанные волосы с ее лица. На ощупь ее щеки казались еще горячее, чем были. Жар увеличился.

Кадык лугару нервно дернулся. Все-таки она была прекрасна даже сейчас – его пара. Взгляд мужчины потеплел, в нем блеснуло что-то, похожее на уважение.

Такая отважная, смелая. Не побоялась напасть на матерого волка с игрушечным ножиком. Откуда ей было знать, что эта чертова зубочистка вообще сможет причинить ему вред? Действовала наобум, на свой страх и риск. И, спрашивается, ради чего? Ведь все равно не смогла убежать. И не сможет. Если он ее нашел, то уже не отпустит. Никому не отдаст...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.